

САШЕНЬКА

На сумрачном еще горизонте начинало светлеть, это было предвестием появления огромного и яркого шара. В приморских домиках и хибарках начинали кричать петухи. А солнце поднималось выше и выше и уже освещало огромную и бескрайнюю ширь рижского залива.

Юрмала. О, как прекрасно звучало это имя в устах отдыхающих советских людей. Недавно отгремела война. Жизнь была еще дорогой и несравненно тяжелой, но главные тяготы – бомбежки, депортации и зверства человекообразных зверей – были позади. Впереди маячило «*светлое будущее*». Но кто в него верил? Людям хотелось просто жить, и надо было вписываться в рамки социалистического реализма.

В Юрмале было прекрасно, дачный сезон, температура воды +18°C, воздуха – 25, и солнце, солнце, солнце...

Юрмала после войны выглядела заброшенной, много домов и дач пустовало, сады стояли неухоженными, дорожки заросли паутиной, двери были открыты, как будто жители срочно бежали. И в самом деле – депортации, бегство на запад, мобилизация в воевавшие армии лишили Юрмалу жителей, и как муравейник после сильного дождя она стояла покинутая и одинокая, стояла в ожидании новых хозяев, уже совсем других и непрощенных.

Частная собственность стала государственной, и в некоторых дачах и бывших имениях собственников теперь разместились пионерские лагеря и детские сады для детей советских трудящихся.

Великолепный дом в Дзинтари, на берегу моря, принадлежал госпоже Зиберте Эрне Яновне – вдове миллионера, в ужасе бежавшей на Запад, сначала в Германию, а затем все дальше и дальше. А тот из ее семьи, кто остался, давно уже был депортирован и отбывал срок тоже где-то далеко-далеко, в пределах великой новой родины.

Дом был с лепными колоннами, портиком, украшенным родовым гербом семьи Зибертов, с паркетом, гобеленами, картинами, изысканными стульями, вазами, хрусталем, фамильной посудой и серебром. Все это было уже конфисковано, дом был очищен от «*богатой скверны*», выбелен и выкрашен дурным маляром. Фамильный герб закрывал огромный портрет «*Отца народов*».

– *Здесь будет детский сад*, – так приказал председатель исполкома, когда посетил дом Зиберте в прошлом году. Перед ним стояли заведующая районным отделением народного образования и комендант (или попросту сторож) дома. Нужна была альтернатива дому инвалидов войны. Советской власти требовалось показать, что она, как никакая другая власть, заботится о подрастающем поколении. В ЦК Компартии Латвии дана была установка на открытие детских садов и пионерских лагерей в Юрмале.

Детей возили из Риги в Дзинтари, в детский сад. Из Риги шел паровик, он весело пыхтел и сверкал зелеными вагонами. Вагоны эти принадлежали еще Латвийской Республике, а теперь – Латвийской ССР. На них было написано «ЛЖДР» огромными буквами, окаймлявшими советский герб.

Тело паровоза стучало и пыхтело. Дым летел мимо окон вагона, весело и громко стучали колеса на стыках рельсов; около переездов, станций и шлагбаумов раздавался резкий предупредительный гудок. Эта дорога для рижан всегда была радостной, это называлось «*вырваться из города*» на свободу, к морю, к многочисленным приморским станциям, вокруг которых собираются дачные дома и поселки, где вместо надоевших голубей летают огромные чайки и альбатросы, и где земля становится раем в прекрасные теплые летние дни.

Молодая мамочка везла девочку в детский сад. Это был долгожданный ребенок, ребенок военного времени. Любовь – во время войны?! И сладко, и страшно. Человек может жить человеческой жизнью в любых условиях. Любви покорны все возрасты, и в любое время Господь благословляет любовь и дает детей. Он надеется, Он верит человеку, и Он дает ему все самое лучшее.

Этот ребенок был прекрасен, на зло войне он был исполнен всякой благодости. Девочка с голубыми глазами все время улыбалась, как ангел, и как бы говорила «*Я даю надежду людям – впереди все будет очень хорошо*». Этого ребенка любили все: и сидевшие в поезде люди, и встречавшиеся по дороге, и воспитательницы в садике.

Мамы работали, работали в столовых в советских учреждениях, работали на фабриках, им надо было много работать, так как у них не было мужей – следствие войны. Приходилось отдавать детей в садики – другого выхода не было. В Юрмале – море, морской воздух, и в детском саду по разнарядке «*сверху*» еще хорошо кормили. А после войны трудно было прокормиться, что тоже было очень важно.

Маленькая девочка, маленькая Верочка жила в садике вместе с другими детками, которых было несколько десятков. В садике они обедали, спали, занимались с воспитателями, гуляли по морю, играли в разные игры. Маль-

чиков приучали к оружию, сражаться на саблях – это дело хорошее, им надо уметь выполнять команды и приучаться побеждать врага. Как сказал один из советских вождей: *«Если враг не сдается, его уничтожают»*. Девочки должны были заботиться о куклах, укладывать их спать и баюкать, готовить праздничный обед, а непослушных кукол – наказывать.

Невдалеке плескалось море, оно набегало на песчаный пляж и откатывалось, пенились маленькие волны, зигзагообразной полоской вились извергнутые морем водоросли. Дети вышли на прогулку, они шли попарно, держась за ручки, около них шли внимательные и строгие воспитательницы.

В этот прекрасный июньский день исполнялось семь лет со дня страшной ночи, которую не могла забыть Ирина Яковлевна Орестова. Сейчас ее мальчику шесть лет. А в ту, самую счастливую и самую страшную в ее жизни ночь она зачала долгожданного ребенка Сашеньку. Муж ее безумно любил, и то была ночь их любви, когда исполняются самые заветные человеческие желания. В такую ночь супруги желают друг другу всего самого прекрасного, что есть в жизни, и в такой день чаша их жизни переполнена, и радости их нет конца. И, кажется, время останавливается, ибо не в силах двигаться, и только любовь может остановить время и победить смерть.

Но уже около рижских домов стояли сотни черных, военного типа грузовиков – они несли в себе смерть и уничтожение. В них должны были бросить *«врагов народа»* вместе с их женами и детьми. Наблюдение велось давно, агентура исправно собирала сведения, и людям этим было не по пути с советской властью. Их надлежало вырвать и выбросить, как сорную траву, мешающую росту здоровых растений.

Ночь – самое подходящее время для внезапного нападения. Сначала раздалось рычание подъехавшего к дому грузовика, затем – звонок, и сразу за ним, не дожидаясь ответа – сильный стук в дверь; заспанные испуганные жильцы, плач детей, предъявленный ордер на арест супруга, быстрые сборы, слезы...

– *Сашенька, я ведь умру без тебя*, – что-то лепетала Ирина, в последний раз в жизни обнимая мужа.

– *Я вернусь, не беспокойся, это недоразумение*, – утешал Ирину Александр Николаевич, который не мог себе и представить своей страшной и трагичной участи. Они спокойно, безоблачно жили в Латвии, которая недавно стала советской, и не могли себе представить, что жизнь человека в этой стране не стоит иногда и медной копейки.

Александр Николаевич сгинул, пропал, исчез, погиб в лагере на Севере безбрежной России, а ребеночек с таким же именем благополучно родился и

был выхожен, выпестован матерью, которая перенесла на него всю свою любовь к мужу. И вот теперь, после войны, она везла его, наконец, в детский сад в Юрмалу. С Ириной ехала ее сестра, моложе ее и незамужем. Она щебетала всю дорогу и все время обнимала и тискала Сашеньку. Мальчонок был красивым и нежным, на нем сказалась огромная любовь и забота матери. С каждым годом он становился все больше похожим на своего отца, «врага народа». По счастливой случайности Ирина Яковлевна не была депортирована. Спасло ее только то, что с Александром они не были официально зарегистрированы в ЗАГСе, но были тайно повенчаны в одной из рижских церквей. И ей приходилось лгать и говорить, что «не знает этого человека», что плод ее любви совсем от другого отца.

Впрочем, в этой стране всем приходилось притворяться и говорить, что живется «веселей и веселей», в то время, как жить становилось все труднее и невозможнее. Даже в мыслях нельзя было позволить себе крамолы, ибо известно присловие «что у человека на уме – то и на языке». Легче было тем людям, которые «сломали себя» и заставили верить партии, несмотря на то, что произносимое ею «белое» казалось «черным», и наоборот. И уже не «лжец» принимал образ, театральный, надеваемый и снимаемый, когда надо, а образ овладевал всем существом человека, и сам человек становился лжецом. Слава Богу, что это касалось, в основном, руководителей, тех, что должен был клясться в верности «новой истине» и эту истину проповедывать. Честные, подлинные люди безжалостно выбрасывались системой за борт, и трудно было где-то отсидеться и отмолчаться. Поиски врагов продолжались постоянно...

Мальчонка ничего не знал об этих играх, жизнь представлялась ему безоблачной и прекрасной и согреваемой теплом его любимой матури. Сегодня же все его интересовало – он впервые ехал на паровике, с любопытством поглядывая по сторонам и наблюдая в окно за просыпающейся природой. А за ним из поднебесья наблюдал его отец, он давно уже стал святым человеком, мучеником за веру и за истину, и теперь мог зреть живущих на земле, мог помогать им своими молитвами.

В застенках НКВД, где следователи избивали его сапогами до полусмерти, он твердил только одно – «Не знаю, не видел, не слышал...», и никого не предал, не заложил, никого не связал своими показаниями, хотя было очень страшно и физически невозможно выдержать. В своих палачах он старался увидеть образ Божий – так учил его духовник отец Григорий.

– На человека надо смотреть, как на икону, – говорил он. – Да, икона может быть черная от грязи и от времени, но когда счищаешь слой за слоем, на-

чинаешь видеть золотые и красные и голубые краски. Так и человек внутри подобен Богу, но только образ этот зачернил.

Да и враг тебе – это не твой враг, а он враг самому себе, он такой же, как и ты, грешник, и чем бóльшими видишь ты его грехи, тем больше за него молись, ибо он – брат твой, и может сгореть в аду. Если человек горит обычным огнем, сердце жалостью и состраданием обливается, видя его муки, но сколь страшнее будет огонь геенский, призванный на грехи его. Потому, когда видишь врага, вспомни об этом огне и помолись за него.

И когда били Александра сапогами, вспоминал он этот вечный, нескончаемый огонь и молился *«Господи, прости, прости, Господи, не ведают что творят»*.

Не получая ответа ни на один из своих вопросов, следователи буквально озверели, а Господь испытывал веру Александра и вел его все более узким и скорбным путем, возводя его в великие степени праведности. В один из моментов наивысшего страдания, когда показалось Александру, что Бог совсем оставил его, и он взмолился Ему о своей потерянности, забытости и ненужности, Господь забрал его душу к Себе и поставил ее на небесное святое служение...

И сейчас, взирая на своего сына, Александр видел не только его настоящее, но и грядущее. Он видел его отроком, учившимся в советской школе, видел его пионером-отличником, видел, как *«вкручивают»* ему мозги в старших классах, как увлекают его в комсомольскую и партийную работу. Он видел беспомощность его матери, страхом трясущейся в память той страшной ночи и изолгавшейся в своей беспомощности. Наконец, он увидел, что сына направляют на ответственную работу по борьбе с *«вредителями и тайными агентами империализма»*, где он становится одним из самых страшных и безжалостных следователей особого отдела, где то, что решено в его черных кулуарах, уже фактически будет доказано следствием. Святой отец мальчика наблюдал за ним из поднебесья и молился Богу и просил Его дать ему власть над жизнью и смертью своего сына...

А на берегу моря резвились ребятишки, и девочки играли в куклы и строили песочные зámки, а мальчики сражались на саблях, а потом прыгали в длину, а потом купались.

Здесь Сашенька встретился с Верочкой. Это была встреча самых красивых детей.

А отец Сашеньки зрел жизнь Верочки. Он видел, что она будет отличницей, что две сестры-католички полюбят ее и будут воспитывать в христианской вере; что она станет музыкантом, несущим людям радость и переживание

великих нравственных чувств; что ее пребывание на земле крайне необходимо, и этот волшебный эликсир – музыка – может привести человека к Богу и облагораживает и возвышает жизнь человека. И он возрадовался за Верочку и стал просить Бога, чтобы Господь продлил дни ее жизни и наполнил их смыслом и радостью...

И два ребенка, самые прекрасные, как два великолепных цветка, стояли на берегу синего моря, и зеленые волны тихо и лениво накатывали на песок... А мальчик вдруг полюбил Верочку и достал из своего карманчика беленький платочек, вышитый любимой мамочкой, и подарил его ей и сказал пророческие слова:

– Дорогая Верочка, это тебе на память я дарю.

Широко и открыто улыбаясь, Верочка взяла платочек и развернула его, она помахала им в воздухе и весело засмеялась, и побежала к девочкам, сидевшим на песке. Она хранила этот платочек потом всю жизнь, как память о мальчике...

В этот день мальчика не стало. Исчез мальчик. Воспитательницы сбились с ног в поисках Сашеньки. – *Что случилось? Где он?* – спрашивали они.

Получилась неразбериха, хаос, который обычно бывает в этих учреждениях. Сашеньку на паровике привезли поздно, его не зарегистрировали и не успели познакомиться со всеми воспитателями. Заведующая только приняла его и родителей и сразу же направила их на пляж к группам отдохавших у моря детей. А мама Саши и тетя лихорадочно спешили на работу, так как по сталинским законам опоздание на работу являлось преступлением, и отдали Сашу какой-то воспитательнице, а та – не усмотрела...

Саша пошел в воду, он медленно брел по ней и смотрел на зеленые волночки и искал рыбок, а потом пытался пустить кораблик из сосновой коры. Он не заметил, как удалился от группы.

– Не бойся, Саша, я с тобой, – подбадривал его с неба отец. – *Господь заберет тебя к Себе, и ты всегда будешь со мной, и не сбудется то страшное и ужасное в твоей жизни, что может произойти...*

...Сашу нашли поздно вечером, когда с факелами и фонарями искать его на пляж пришли все детсадовские работники.

Он лежал в холодной воде, где было совсем не глубоко, и сладко улыбался...

* * *